

Е. В. Аничков

**Весенняя обрядовая песня на
западе и у славян**

Часть 2. От песни к поэзии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е. В. Аничков**
Весенняя обрядовая песня на западе и у славян: Часть 2. От песни к поэзии /
Е. В. Аничков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 416 с.

ISBN 978-5-4241-3947-5

ISBN 978-5-4241-3947-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нечего говорить, однако, что по отношенію къ эпической поэзіи настоящая книга скорѣе бросаетъ гипотезу, чѣмъ устанавливаетъ ее. Происхожденіе эпоса осталось неразсмотрѣннымъ вовсе. Тутъ будущему изслѣдователю даже не расчищенъ путь. Только сообразовываться съ высказанными здѣсь много предположеніями этотъ будущій изслѣдователь долженъ будетъ поневолѣ, и заранѣе можно сказать, что происхожденіе поэзіи, которому предстоитъ быть предложеннымъ тогда, придется помѣститься гдѣ-нибудь на равнодѣйствующей высказанныхъ тутъ и имѣющихъ быть высказанными тогда обобщеній.

Книга эта заканчивалась при грустныхъ обстоятельствахъ— и не только личныхъ. Пока она печаталась, не стало дорогого ей автору ученаго и мыслителя, Гастона Париса. Міръ праху этого искреннаго, добросовѣстнаго и неустанно пытливаго изслѣдователя, для столькихъ поколѣній романистовъ всѣхъ націй умѣвшаго стать такимъ вдохновляющимъ, внимательнымъ и добрымъ учителемъ! Блестѣвшая мнѣ на пути работы мысль принести эту книгу въ его рабочій кабинетъ, гдѣ такъ бодро и дѣлательно работалось и намъ, его разноплеменнымъ ученикамъ, должна погаснуть. Послѣднее спасибо за всѣ совѣты и поощренія, за все участіе и довѣріе!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весеннія игры и забавы стр. 1—99

I. Хороводное веселіе современнаго крестьянства и весеннія «радость» среднихъ вѣковъ. Весенніе хороводы, танки, ора и кола русскихъ и славянъ, 1—6. Глубокая древность и общераспространенность хороводной пляски, 7—8. Современные танцы вокругъ майскаго дерева и средневѣковые «саголеа» и «geigen», 9—15. «Des meien tanz» и «osterspiel» въ пѣсняхъ Нидгарта фонъ Рюенталь, 15—17. *Литературно-сѣтское значеніе весеннихъ праздниковъ въ средніе вѣка*, 18—23. «Весенняя радость» и весенній запѣвъ въ пѣсняхъ трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ, 24—33. *Народное происхожденіе «весенней радости»*, 34—38. Весенніе запѣвы въ пѣсняхъ Востока Европы, 38—40.

II. Основныя темы хороводныхъ пѣсней. Пѣсни сборныя и разборныя, 40—46. Пѣсни шуточные, 47—48. Тема: «о семейномъ положеніи участницъ хоровода», 49—51. «Дѣвчичья воля», 52—54. Несчастія въ замужествѣ, изображенныя среди плясового разгула, 54—58. «Гроза» мужа, какъ помѣха веселію и пляскѣ, 59—61. Тема: «о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками», 62. «Споръ матери съ дочерью», какъ одна изъ разновидностей этой темы, 63—64. Тоже значеніе имѣютъ и пѣсни о черничкѣ, чернецѣ и насильственномъ постригѣ, 65—67. Трагическое изображеніе самаго хороводнаго веселья, 68—71.

III. Военскія весеннія потѣхи. Придворные весенніе праздники среднихъ вѣковъ и подражанія имъ среди городского населенія, 72. «Maienvart», «Mairitt», «maggi» и подвѣя отраженія ихъ въ крестьянской средѣ, 73—77. Еще разъ о растительной мифологіи Маннгардта, 78—79. «Maigraf», «майскій король» и «rusadli Kral», 79—80. «Rusalet» албанцевъ, «caluczenii» румынъ и Русалин Южной Македоніи, 80—81. *Весна — время начала вес-*

ныхъ *дѣйствій*, 81. Весенніе запѣвы рыцарскихъ и солдатскихъ пѣсень, 82—84. *Agonium Martiale*, *armilustrium*, *quinquartus* и пляска Салиевъ, 85—86. *Спортивные весеннія игры*: «*Paragaischiessen*», «*Targetshooting*» и «*Strzelanie do Kurka*», 87—88. Бѣганье въ запуски, 89. Скачки при выгонѣ лошадей въ поле, 90—92. Робинъ Гудъ и «*hobby horse*», какъ послѣдняя шуточная стадія въ переживаніи воинскаго праздника, 93—97. Мы можемъ объяснить теперь и *весеннее значеніе кумовства и поворотиста*, 98—99.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Любовные мотивы въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ, стр. 100—209

I. Эротическіе мотивы темы о «борьбѣ хороводнаго веселія съ его противниками». «Споръ матери и дочери» въ нѣмецкомъ *Langtanz*ѣ XVII в. и у Нидгарта фонъ Рюентала, 102—110. *Милъ-сердечный другъ — малая приманка въ хороводѣ*, 111. Влюбленные монахи и монахини, 111—112. Новая разновидность мотива о несчастіи въ замужествѣ: пѣсни о семейномъ разладѣ, 112—115. «Чоловікъ та жінка», 116. Мотивы о «дѣвичьей вогѣ» и о «горестяхъ замужней женщины» на Западѣ, 117—118. «*La mal mariée*» какъ типично-плясовая тема и прежнія ея толкованія, 119—124. Итальянская пѣсня о женѣ-плясунѣ (XV в.), 125—128. Древняя провансальская пѣсня: «*A l'entradre del tena clars*», 129—133. *Средневековая «mal mariée», какъ передѣлка хороводныхъ пѣсень о «горестяхъ замужней жизни»*, 134—140. О переходѣ хороводныхъ пѣсень въ обыденныя, 141—143. Пѣсня: «*Sur le pont d'Avignon*», какъ *chanson d'oreiller*, 144—145. Пѣсенный сюжетъ и обрядовое иносказаніе, 145—146.

II. Весенніе запѣвы средневековой лирической поэзии и античная эротика. Весна—время любви въ пѣсняхъ раннихъ трубадуровъ Прованса, 146—148. «*Athos, joi e joveu*» и «*gai saber*», 149. «Весенняя радость» и полюбовная тоска, 150—151. Тѣже мысли у миннезингеровъ и труверовъ, 152—159. 1-ое Мая—любовный праздникъ въ аллегорической литературѣ среднихъ вѣковъ и ранняго Возрожденія, 160. Весенній запѣвъ въ поэзіи XV и XVI вв. и въ западныхъ народныхъ пѣсняхъ, 161—166. Теорія Дица, Уландъ, Шерера и А. Н. Веселовскаго о происхожденіи этого своеобразнаго поэтическаго приема, 167—169. Мнѣніе о немъ Гастона Париса, 169—170. Европейскій майскій праздникъ и древній культъ Венеры, 170—172. Весенніе запѣвы у древне-греческихъ эротиковъ, 173—175. *Народно-обрядовое происхожденіе весенняго запѣванья о «радости» и книжное происхожденіе того взгляда, что весна есть время любви*, 176—177.

III. Обрядовой эротизмъ весеннихъ праздниковъ. Французскіе: «*planter le mai*» и «*enmaier*», итальянское «*arriccare*

il Maio» и нѣмецкое «Maientesken», 177—179. Тотъ же обычай у словенцевъ, чеховъ и моравовъ, 180. Отраженіе его въ Пьемонтскихъ и французскихъ пѣсняхъ, 181—182. *Einteiement* и *Maientesken*, какъ разновидности *весеннему убранства*, 183. «Maellieken», 184—186. Весеннія парочки и нашъ «выборъ дѣвоекъ въ хоровакъ», 186—189. Эротизмъ народной пляски вообще, 189—191. Эротическій характеръ и обрядовъ «по цвѣточки», заиванья вѣнковъ и сербскихъ «за бѣлочки», 192—199. *Любовное значеніе тѣла*, 200. Весеннее кумовство, побратимство, сербское «Ружичало», «Johannis minne» и «compagatio di san Giovanni», 201—204. Эротическій характеръ весеннихъ забавъ и періодъ скрещиваній, 205—207. Можно ли остановиться на выводахъ Вестермарка? 208. *Необходимость дальнейшаго изслѣдованія*, 209.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношеніе весенней обрядности къ браку. . . . стр. 210—304

I. Когда женится человѣкъ, живущій натуральнымъ хозяйствомъ? Время «свадебъ» на Руси и древне-греческій *ἱερός γάμος*, 212—218. Праздникъ Марса и Анны Перенны, 214. Схожіе индѣйскіе обряды, 215. «Женитьба Терешки», 216—218. «Вьюнецъ», 219. Обрядъ «колодки», 220. «Пришла весна — прошло время свадебъ» и пѣсенная тема о томъ, чего стоятъ парни и дѣвушки, 221—223. Почему весною не время играть свадьбы, 224—226. *Весна — время полюбовныхъ думъ и загадыванія о суженномъ*, 227—228. Пѣсни о «старомъ», о «маломъ» и о «ровнѣ», 229—230. Сербскія пѣсни загадыванія о будущемъ и гаданія о женихахъ, 231—235. *Любовно-брачное значеніе обрядового плетенія тѣнковъ*, 236.

II. Пѣсни весенняго привѣтствія, напѣвающія дѣвушкамъ жениховъ, а парнямъ невѣстъ. Французская «*maribée*», итальянская «*прова*» и нѣмецкая «*Maibraut*» теперь становятся вполнѣ понятными, 236—237. *Напѣваемая свадьба, какъ источникъ новыя счастья-довольства въ кралицѣхъ и лазарскихъ псалмахъ*, 238—241. Символическія изображенія свадьбы и будущіе сюжеты лирико-эпическихъ пѣсенъ, 242—243. Образы молодца-наѣзника, стрѣльца и чудесной птицы въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ, 244. Мнѣніе Потебни о молодцѣ-наѣзникѣ, 245. *Озона въ псалмахъ разнаго примѣненія есть символъ брака*, 245—250. Чудесный олень нашихъ пѣсенъ и христіанская легенда о св. Евстафѣи и Губертѣ, 250—253. Не объясняется ли этикъ и мотивъ чудесной птицы? 253. Символъ птицы-нѣстницы любви или уносящей за море, вводитъ насъ въ *новый рядъ образовъ брачной символики, основаннымъ уже на «улыканіи»*, 254—257. Мотивъ рыболова, спасающаго колечко дѣвушки и мотивъ утопанія, 258—260. Еще разъ о значеніи кольца или вѣнка въ народной символикѣ и мотивъ павы, роняющей перья, въ весеннихъ пѣсняхъ, 261—265.

Французская пѣсня «L'Anneau Perdu» и *преображеніе символовъ съ сюжетомъ*, 266—267. «Липшій милейкій, якъ братъ ріднейкій» и мотивъ мореплавателя, 268—270. Символическое прохождение пѣсни «Je Jeune Marinière», 271—278. Еще разъ—назадъ къ хороводнымъ пѣснямъ, 274—275.

III. Участники хороводнаго веселія — женихи и невесты. Выборъ дѣвочъ въ хороводъ и предложеніе весною, 276—279. Весна—время сватовства, 280—281. Хороводныя игры «А мы просо сѣяли» и «Царенко», 281—286. Одно историческое воспоминаніе въ хороводно-обрядовой пѣснѣ: «Воротарь», 287. Мифологическія построенія о ней Потебни, 288—289. Что такое «мезиннее дитя»? и игра — «Колосокъ идетъ», 290—292. *Новый символъ брака — подчищеніе*, и пѣсня «Какъ по морю, морю синему», 293—297. «Der Schäfer von Neustadt», какъ показатель темы о выборѣ жениховъ и невестъ въ хороводныхъ пѣсняхъ-играхъ Запада, 297—298. «Мезиннее дитя» ввидѣ сербскаго Лазаря, 298—299.

Общіе выводы изъ двухъ послѣднихъ главъ. Весеннее женихованіе и формы первобытнаго брака, 299—302. Какъ понимать «игрища между селъ» нашей лѣтописи? 302—303. *Дѣвушки и парни*, какъ главные участники хороводнаго веселія объясняютъ ея смыслъ, 303—304.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Происхожденіе поэзій . .

. стр. 305—380

I. Религіозно-бытовая основа искусства. Значеніе разобранныхъ въ этой части пѣсенъ для исторической поэтики, 305—306. *Обрядовою происхожденіемъ не только — пѣсни-заклинанія, но и любовныя, военныя и шуточные пѣсни*, 306—308. Ритмъ, какъ способъ возбужденія мускульной и психической энергіи, 309—310. Работа, обрядъ и пѣсня, 310—311. «Затворы и заклинанія — такова первоначальная форма поэзій», 311. Пѣсня и религія, 312—318. Два слова объ эпической пѣснѣ, 318. Искусство въ широкомъ смыслѣ и искусство художественное, 318—315. Зачѣмъ первобытный человѣкъ тратитъ столько силъ на украшеніе? 316—317. Костюмъ и пѣсня-пляска, 317. Сакральное значеніе изобразительныхъ искусствъ, 317—318. *Первобытное искусство преследуетъ только жизненно-практическія цѣли*, 318.

II. «Цѣлесообразность безъ цѣли» поэзій и до-эстетическая пѣсня. Эволюція эстетическаго сознанія, 319. Ирѣ Хириъ о пѣснѣ Тайльера во время битвы при Гастингсѣ, 319—320. Кантовская теорія «цѣлесообразности безъ цѣли» и современная психологическая эстетика, 320—321. *Художественное наслажденіе есть наслажденіе «сочувственнымъ переживаніемъ»* (Mitleben), 321—322. Кадарсизъ Аристотеля въ интерпретаціи Лессинга, Бернайса, Ницше и Ирѣ Хириъ, 323—324. Сосредоточеніе

вниманія и эстетическое наслажденіе, 824—825. Гроосъ и Ирѣ Хирт о выразительности произведеній искусства, 825—826. Психологія созерцанія, 826—827. *До-эстетическая психія управляетъ нашимъ вниманіемъ, а поэзія сосредоточиваетъ его на своихъ образахъ*, 827—828. Ритмъ и рабочія пѣсни, 828—829. Содержаніе ихъ и попытка объясненія любовныхъ мотивовъ *chansons de toile*, 830. Не-эстетическое восприниманіе художественныхъ произведеній нашего времени, 831—832. Внушеніе въ первобытномъ и современномъ искусствѣ, 832—833. Теорія Бергсона и Сурьо, 834—835. *Внушеніе, никогда составлявшее назначеніе поэзіи, въ настоящее время лишь служитъ ея выразительности*, 835.

III. Эстетическое значеніе народныхъ праздниковъ. Религіозно-бытовое значеніе обряда и обрядъ-игра, 836—837. О красотѣ весенняго цвѣточнаго праздника, 837—839. «Праздничный» характеръ народной поэзіи, 839—840. Праздничное возбужденіе «желаній» и психологія воображенія, 840—841. Теорія Липпса о трагизмѣ и тема о «борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками», 842. Одна блестящая страница изъ «Происхожденія Трагедіи» Ницше, 842—843. *Художественной становится народная психія на лонѣ праздника*, 844. Начало поэзіи, 845.

IV. Возникновеніе лирической поэзіи въ средніе вѣка. Народные праздники и эволюція поэтическихъ родовъ, 845—846. Литературное значеніе праздника 1-го Мая, 847. Что мы узнали о народныхъ пѣсняхъ средневѣковой Европы? 848—850. Любовные мотивы средневѣковыхъ рабочихъ, свадебныхъ и привѣстныхъ пѣсень, 849. Хороводная пѣсня въ средніе вѣка, 850. Пѣсня военная и застольная, 850. Трубадуры, труверы и миннезингеры, какъ пѣвцы и какъ поэты, 851—852. «Муниципальная мода» труверовъ Арраса и Нидгарта фонъ-Рюентала и общій интересъ къ народной поэзіи въ XIII в. во Франціи, Германіи и Италіи, 853—854. Возникновеніе поэзіи трубадуровъ и «вопа роитевіна», 855—856. Отъ пѣсень вилановъ и мѣщанъ къ замкнутому аристократизму поэтики трубадуровъ, 856—857. Эротизмъ весенней хороводной пѣсни и античная эротика, 857—858. Почему теорія «встрѣчныхъ теченій» А. Н. Веселовскаго въ данномъ случаѣ не приемлема? 858—859. Трубадуръ-клерикъ и трубадуръ-сирвентъ, 859—860. *Историко-литературное значеніе восточнаго весенняго праздника*, 860. Политическая децентрализація и судьбы народной поэзіи, 861. *Провинціальный и аристократическо-деревенскій характеръ поэзіи «любви, веселія и молодости»*, 861—862.

V. Психологія художественнаго творчества и идеализмъ въ эстетикѣ. Дворянство и доблесть, какъ главное содержаніе поэзіи трубадуровъ, 862—863. «Возсіяніе формы» Фомы Аквината и средневѣковая поэтика, 863—864. *Трубадуръ—создатель новой общественной среды*, 864. Поэзія Вильгельма IX, Пуату, Серкамона и Маркабрю, 865—867. *Нарожденіе личной поэзіи ес-*

детъ не только къ обновленію формы, но и къ новому содержанию определяющему эту форму, 368—369. Леонидъ Майковъ объ основномъ характерѣ народной поэзіи, 369—370. Неустойчивость текста народной пѣсни и устойчивая традиціонность ея образовъ и выраженій, объясняется тѣмъ, что въ народномъ художествѣ нѣтъ другого побужденія къ творчеству кромѣ религиозно-бытовыхъ пѣлей, 370—371. *Неизбѣжность и необходимость вымиранія народнаго искусства*, 371. Только обрядовое самосознаніе спасаетъ пѣсню отъ исчезновенія, 371—372. Три основныхъ момента въ эволюціи искусства, 372—373. «Сочувственное переживаніе» и *хѣдарац*, какъ сущность впечатлѣнія отъ народной поэзіи, 373—374. *Нарожденіе художественнаго воспріятія не определяетъ еще собою побужденія къ художественному творчеству*, 374—375. Кантовская теорія «генія» и происхожденіе личной поэзіи, 375. Попытка примиренія эстетическаго формализма съ идеализмомъ: *художественное воспріятіе формально, но безъ идеи жить и не можетъ быть творчества*, 376—377. Къ психологін *одошновенія*, 377—378. «Эстетическія идеи» Канта, 378. *Исканіе и сознаніе, какъ основное содержаніе личной поэзіи и различіе между традиціонно-народнымъ и современнымъ символизмомъ*, 379—380. Предсмертныя мысли Ницшевскаго Сократа о назначеніи искусства, 380.

Указатель пѣсенъ. стр. 385—394

Общій указатель стр. 395—404

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весеннія игры и забавы.

Почти всѣ обрядовыя дѣйствія, разобранныя въ первой части этой книги, сопровождаются шумнымъ весельемъ пѣсень, плясокъ, игръ и забавъ. Ихъ связь съ обрядовымъ обиходомъ и ихъ прикладное назначеніе въ обрядѣ мнѣ пришлось разъяснить раньше, чѣмъ стало возможнымъ приступить къ ихъ описанію. Мы видѣли, что въ основѣ своей и онѣ составляютъ необходимую принадлежность сакральнаго дѣйства. Но самое ихъ содержаніе опредѣляется не ихъ чисто прикладнымъ назначеньемъ. Оно развилось само собою по тому пути человѣческой самодѣятельности, который ведетъ не къ дальнѣйшему росту религіознаго сознанія, а къ появленію художественно-поэтическаго творчества. Собранный и обследованный до сихъ поръ матеріалъ позволилъ намъ ознакомиться лишь съ зарожденіемъ узко обрядовой пѣсни; весеннія игры, пляски и забавы дадутъ намъ возможность прослѣдить развитіе обрядовой пѣсни болѣе широкаго примѣненія. Конечнымъ моментомъ этого развитія будетъ уже народное рожденіе искусственной, личной поэзіи.

Художественно-поэтическое народное творчество находится въ такой же зависимости отъ бытовыхъ условій, какъ и религіозно-поэтическое.

Передъ началомъ лѣтней страды между послѣднимъ, позднимъ засѣвомъ ярового и пачаломъ сѣнокоса всегда есть небольшой промежутокъ времени, когда народъ до извѣстной степени свободенъ. Тамъ, гдѣ земля уже не родить безъ удобренія, нѣкоторое время уходитъ на навозницу, но и послѣ этого всетаки остается еще съ недѣлку или болѣе времени, чтобы погулять и набраться силъ. Такой - же промежутокъ сравнительно менѣе занятого времени находится и раньше между первой запашкой и засѣвомъ. Вотъ въ эти-то дни относительной свободы и располагаются оба цикла весеннихъ праздниковъ. Вотъ тутъ - то и происходитъ кромѣ уже разобранныхъ выше обрядовъ еще игры и забавы: водятъ хороводы, пляшутъ, поютъ.

Въ эти моменты отдыха красавица - весна нашептываетъ свою пѣснь ликованія и веселія. Тогда идутъ уже не въ поле, а на лужокъ или къ опушкѣ лѣса. Тогда есть мѣсто и поэтическому воззрѣнію на природу. Красоты ея первобытный умъ, конечно, воспринимаетъ по своему; онъ мало любитъся ими, ему хочется скорѣе покрасоваться самому; убранствомъ свѣжей зелены, пестрыми вѣнками, свѣтлыми одеждами, гуломъ музыки и пѣсень, задоромъ всякихъ игръ и плясокъ отвѣчаетъ первобытный человѣкъ на призывный голосъ весны. Въ эти моменты онъ чувствуетъ не одно только, религіозно-обрядовое значеніе переживаемой поры; цвѣты ему нужны и своей заманчивой яркостью; онъ борется въ эти моменты съ природой, старается заполучить отъ нея побольше выгодъ, но при этомъ онъ живетъ въ полной гармоніи съ ней, какъ отдѣльная часть могучаго и всепоглащающаго цѣлаго.

Разгульная радость народныхъ праздниковъ теперь почти повсемѣстно затихла; тамъ, гдѣ закоптѣлыя фабрики покрыли цѣлыя десятины разными отбросами, уничтожили кругомъ всякую растительность и поставили уродливыя и однообразныя домики для своихъ рабочихъ, отъ нея не осталось и помину. Если нашъ вѣкъ до извѣстной степени поднялъ простаго человѣка на общественной лѣстницѣ, если онъ далъ ему нѣкоторую обезпе-